

Цели уголовной ответственности: законотворчество и правоприменение / А.В. Барков // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сб. науч. тр. /М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол. : А.Л. Савенок (отв. Ред.) [и др.] – Минск : Акад. МВД, 2012. – 146 с. (С.92-101)

ЦЕЛИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

А.В. Барков, ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ

Определяющим фактором уголовно-правовой политики любого государства являются задачи национального уголовного права и цели уголовной ответственности, посредством которой в основном решаются эти задачи.

Учение о целях наказания представляет собой центральный пункт бесконечных споров в доктрине уголовного права. Исторически цели уголовной ответственности (цели наказания) понимались по-разному и зависели от господствовавших представлений о преступлении, о его причинах, о личности преступника. К сожалению, практика законотворчества и осуществления правосудия многие столетия пытается опираться на вульгарные обыденные представления о назначении и роли наказания в противодействии преступности. Вспомним эволюцию представлений о сущности и целях наказания. Поскольку эти представления весьма разнообразны, постольку остановимся лишь на некоторых из них, по нашему мнению существенно влияющих на мировоззрение законодателей и правоприменителей. Это взгляды на наказание как на возмездие и средство устрашения.

В начале пути следует обозначить *теорию возмездия*. Одной из самых первых карательных формул, внесенных в древнейшие законодательства было «око за око, зуб за зуб». Право наказывать рассматривалось как проявление мести, закрепленное в законе.

Древнейшим является религиозный аспект теории возмездия – искупление вины пред Богом. Преступление есть нарушение десяти заповедей, которые должны быть ненарушимы. Преступлением считается только такое правонарушение, при котором виновный восстает против господства права, оно посягает на господство права и государственную власть – представителей царства Божия на земле. Наказание – искупление греха и должно быть адекватно степени греха.

В отличие примитивной концепции талиона теория возмездия получает философское обоснование в учении Иммануила Канта. Он считал, что лишь право возмездия (*jus talionis*), если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении),

может точно определить качество и меру наказания».¹ По И. Канту нравственный императив требует отплаты злом за зло. Вид и размер наказания должны быть воздаянием по принципу равенства. Поскольку прямолинейно осуществить этот принцип с учетом разнообразия преступлений и требований цивилизации невозможно И. Кант пытается подыскать виды наказания, удовлетворяющие теории нравственного возмездия. Это, например, смерть за смерть при убийстве, принудительный труд за кражу, поцелуй руки оскорбленного человека.

Последователи И. Канта, пытаясь уйти от наивности и неосуществимости предложенного подхода, сделали акцент на необходимость руководствоваться общей посылкой – наказание справедливо лишь тогда, когда оно соответствует вине качественно и количественно. Но практическое решение и такого подхода в условиях сложной картины преступности сталкивается с непреодолимыми препятствиями.

Теория восстановления (*Wiederherstellung*), которую выдвинул Георг Вильгельм Фридрих Гегель, практически остается в рамках концепции возмездия. По Гегелю адекватность наказания преступлению обуславливается тем, что «наказание есть отрицание отрицания права», т.е. наказание это отрицание преступления. Необходимо соответствие меры наказания с мерою испорченности воли преступника.

Теория возмездия в своем развитии привела к важному выводу о необходимости дифференцировать ответственность сообразно общественной опасности преступления, его тяжести, и индивидуализировать ответственность при назначении наказания.

Если теория возмездия предполагает в своей основе некое соотношение строгости наказания с опасностью преступления, совершенно иной подход заложен в *теории устрашения*. Эта теория столь же древняя. Она отражена в дигестах, в средневековых кодексах, в печально известной Каролине. В Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. жестокость наказаний оправдывалась: «чтобы иным не повадно было так делать», «чтобы иные, смотря на то, казнились и от того злого дела унялись».

Цель карательного воздействия заключается в том, чтобы осуществлением жестокого демонстративного наказания произвести устрашающее впечатление, способное удержать самого преступника от дальнейших посягательств на людей и общественное спокойствие и, что особенно важно, страхом удержать других от подражания примеру преступника. Реализация устрашения таким способом лишает правосудие всяких основ справедливости.

Иначе стало пониматься устрашение во взглядах предшественников Чезаре Беккариа и его единомышленников.

Революция в представлениях о системе воздействия на преступность произошла под влиянием трудов великих просветителей XVIII в. Вольтера, Д. Дидро, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, К. Гельвеция и других. На первый план были выдвинуты идеи предупреждения преступности и гуманизации наказания.

Уголовно-правовые взгляды Ш. Монтескье высказаны в романе «Персидские письма» (1721) и трактате «О духе законов» (1748).ⁱⁱ Ш. Монтескье, критикуя сложившуюся систему феодального правосудия, сформулировал важнейшие принципы уголовного права: преступление – это деяние, а не образ мыслей; преступление должно точно определяться в законе, букве которого должен следовать судья; наказание должно быть соразмерно тяжести преступления; уголовный закон должен предупреждать преступления. Ш. Монтескье выступал за существенное сужение круга деяний, признаваемых преступлениями, за общее смягчение наказания, за решительное сокращение применения смертной казни.

Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) в своих философских и публицистических трудах затрагивал проблемы правосудия, отстаивая идеалы справедливости и гуманизма. Уголовно-правовые взгляды Вольтера изложены, в частности, в его комментарии к книге Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях».ⁱⁱⁱ Великий гуманист выступал против неоправданной жестокости и несправедливости современного ему правосудия, был сторонником отмены смертной казни, отстаивал необходимость соразмерности тяжести наказания тяжести совершенного преступления, видел в уголовном законе средство предупреждения преступности.

Концентрированным выражением идей гуманизма в области борьбы с преступностью стала опубликованная в 1764 г. книга Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», заложившая основы классической школы уголовного права. Ч. Беккариа синтезировал и систематизировал философские взгляды французских просветителей энциклопедистов и придал им форму правовых принципов, которые сохраняют свою значимость и по настоящее время. Вот некоторые из постулатов основоположника классической школы уголовного права.

«Эффективность мер, препятствующих совершению преступлений, должна быть тем выше, чем опаснее преступление для общественного блага и чем сильнее побудительные мотивы к совершению преступления. Следовательно, суровость наказания должна зависеть от тяжести преступления».^{iv}

«Целью наказания является не истязание и доставление мучений человеку... Цель наказания, следовательно, заключается не в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий».^v

«Чем быстрее следует наказание за совершенное преступление и чем ближе оно к нему, тем оно будет справедливее и эффективнее».^{vi}

«Не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупредить преступления... Неизбежность наказания, даже умеренного, всегда производит более сильное впечатление, чем страх подвергнуться самому суровому наказанию, если при этом существует надежда на безнаказанность».^{vii}

«Не суровость наказания, а продолжительность его морального воздействия – вот что производит наибольшее впечатление на душу человека».^{viii}

«Чтобы ни одно наказание не было проявлением насилия одного или многих над отдельными гражданином, оно должно быть по своей сути гласным, незамедлительным, неотвратимым, минимальным из всех возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению и предусмотренным в законах».^{ix}

Ч. Беккариа осуществил прорыв в области знаний о борьбе с преступностью. Идея «возмездия» нашла отражение в том, что «суровость наказания должна зависеть от тяжести преступления», а идея «устрашения» – в том, что наказание неизбежно.

На смену идеям средневековых «теоретиков» жестоких расправ с преступниками (прежде всего с еретиками) пьемонтца Дж. Кларуса, римлянина П. Фаринация, их последователя из Лейпцига Б. Карпцова и других подобных «ученых-юристов» пришла стройная система взглядов, содержащая позитивную программу реформы уголовного правосудия.

Идеи Ч. Беккариа предопределили не только формирование классической школы уголовного права во многих странах мира, но и были реализованы (в той или иной степени) в уголовном законодательстве многих государств.^x

Видный российский криминалист А.Ф. Кистяковский в 1864 г. писал: «Беккариа до сих пор остается великим учителем уголовного права; прошло 100 лет со времени появления его книги, а она и теперь нова, оригинальна и правдива, как будто написана в наше время. Книга его одно из тех немногих научных сочинений, которые, несмотря на время, не теряют цены, потому что высказанное в ней для нас есть сама истина».^{xi}

Теоретическую концепцию Ч. Беккариа относительно наказания можно кратко выразить следующим образом:

наказание устрашает, сдерживает;

цель наказания — удержание людей от совершения преступлений, а не социальная месть;

удержание осуществляется не жестокостью наказания, а его неотвратимостью.

Последователь Ч. Беккариа и приверженец философии И. Канта немецкий ученый Пауль Йоханн Ансельм Фейербах, будучи практически автором Уголовного уложения Баварии 1813 г. (воплотившем начала классической школы уголовного права) и популярнейшего учебника по уголовному праву, не стал следовать концепции Канта в вопросах о наказании.^{xii} В своем учении о цели и задачах наказания А. Фейербах – представитель теории психического принуждения, которая иначе может быть названа теорией устрашения посредством угрозы наказанием, содержащейся в уголовном законе.

Удачную оценку классическому направлению в уголовном праве дал С.М. Иншаков: «Идеи этой школы не случайно получили название

классической, поскольку они живы до сих пор и с незначительными модификациями являются основой системы воздействия на преступность во многих странах, несмотря на революционные попытки отказаться от них».^{xiii}

Убедительность доводов сторонников классической школы уголовного права была поставлена под сомнение достижениями науки в XIX веке. Когда стало очевидно, что поведение людей определяется не абсолютной свободой их воли, а в значительной степени детерминировано социальными, экономическими, природными, биологическими и другими факторами. Если человек не обладает полной свободой воли, то устрашение как сдерживающий фактор малоэффективно. На выводах представителей антропологической и социологической школ уголовного права выросла концепция социальной защиты.

Первенство в формулировании идеи социальной защиты в качестве самостоятельной научной концепции принадлежит бельгийскому ученому Адольфу Принсу. Будучи в ранних работах ярким выразителем концепции неоклассицизма в уголовном праве, в поздних трудах он изменил свои взгляды. Первым классическим произведением о социальной защите стала его небольшая работа, изданная в 1910 г.: «Социальная защита и трансформации уголовного права».^{xiv} По мнению А. Принса идея моральной ответственности, присущая классической школе уголовного права, не обеспечивает эффективной защиты общества, т.к. эта идея ставит перед уголовным правосудием невыполнимую задачу: наказать преступника в точном соответствии с его моральной виной. А. Принс предлагает поменять критерий моральной ответственности на критерий опасного состояния преступника. Центральной идеей доктрины социальной защиты А. Принса является изоляция опасных преступников с целью подчинить их строжайшему режиму и лишить всякой возможности причинять вред, нейтрализовать их. Отражением теории социальной защиты в уголовном законодательстве на рубеже XIX и XX веков стало широкое включение в систему наказаний пожизненного лишения свободы.

Теория социальной защиты достигла своего апогея в труде «Принципы социальной защиты» основателя созданного в 1945 г. в городе Генце Центра по изучению социальной защиты, председателя Международного общества социальной защиты Филиппо Граматика.^{xv} По его замыслу право социальной защиты должно заменить понятие уголовной ответственности понятием антисоциальности, т.к. основой права социальной защиты является личность, а не причиняющее вред деяние. Теория социальной защиты в интерпретации Ф. Граматика была оценена многими учеными как экстремистская, так как влечет отказ от уголовного права вообще, от уголовной ответственности и наказания, от традиционного уголовного процесса.

Во время Антверпенского конгресса Международного общества социальной защиты в апреле 1954 г. умеренное направление участников обособилось и получило название «новая социальная защита». Лидером и основным выразителем движения новой социальной защиты стал Марк Ансель, опубликовавший в 1966 г. книгу «Новая социальная защита».^{xvi}

М. Ансель пишет: «Нам, действительно, казалось возможным и вместе с тем необходимым разработать систему, которая, продолжая сохранять динамизм движения социальной защиты, не делает из него разрушения, -- систему, которая в свете достижений современной науки и развития позитивного уголовного законодательства стремится включиться в существующее уголовное право, чтобы преобразовать его, но никак не отказаться от него, и даже сохранить его основную ценность – выражение идеи правового государства. Вот что означает наша формула «новая социальная защита».^{xvii}

Концепция новой социальной защиты признает важную роль уголовного права в системе мер воздействия на преступность и отстаивает необходимость сохранения важнейших институтов уголовного права и принципов, заложенных еще классической школой уголовного права (законность, субъективное вменение, гуманизация мер воздействия). Основу данной теории составляет идея ресоциализации лица, совершившего преступление. Система мер уголовно-правового воздействия должна служить не возмездью, не наказанию преступника, а защите общества. В качестве метода защиты выступает нейтрализация преступника посредством его изоляции от общества или применения мер исправления. Акцент должен делаться на ресоциализацию преступника, т.е. формирование у него правильных ценностных ориентаций, чувства ответственности, умения адаптироваться к законопослушной жизни.

Такой подход выдвигает на первый план частное предупреждение преступности, гуманизацию системы мер уголовно-правового воздействия. В центре такого воздействия находится личность преступника, которая нуждается в перевоспитании и социализации.

Меры воздействия должны основываться на тщательном изучении личности при осуждении и во время исправительного воздействия. Отсюда допущение широкого судебного усмотрения при определении наказания, признание системы неопределенных приговоров, отведения значительной роли экспертам по вопросам применения к осужденному тех или иных мер воздействия.

Движение новой социальной защиты получило значительную поддержку среди европейских криминалистов. Это движение стимулировало возрождение неоклассической школы уголовного права, многие сторонники которой увидели возможность на основе концепции новой социальной защиты обновить свою доктрину. Два теоретических подхода обнаружили в важных моментах точки соприкосновения и в определенных отношениях сходство, что позволило сформироваться «новому неоклассицизму», который нашел свое воплощение в современном уголовном законодательстве многих государств.

Например, основные цели наказания, которыми должны руководствоваться суды Англии при вынесении приговоров, определены в ст. 142 Акта об уголовном правосудии 2003 г. (Criminal Justice Act 2003).

К ним относятся:

- 1) наказание преступников;
- 2) уменьшение уровня преступности (в том числе включая его уменьшение из-за страха наказания);
- 3) исправление преступников;
- 4) защита общества;
- 5) возмещение вреда лицам, пострадавшим от действий преступников.

Обратимся к современному уголовному праву Беларуси. Законодатель справедливо ушел от классического, но не отвечающего современности определения целей наказания. Поскольку спектр воздействия на лицо, совершившее преступление, стал гораздо шире, чем наказание, постольку уголовный закон определил цели уголовной ответственности в целом.

В части 2 ст. 44 УК Беларуси сказано: «Уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами».

В части 3 продолжено: «Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда».

Как видим, трактовка целей наказания (ответственности) в английском и отечественном законодательстве практически совпадает. Это отражение общеевропейской тенденции в уголовном праве.

Проблема, однако, состоит в том, соответствует ли практика законодательства и практика применения мер уголовной ответственности декларируемым целям. Какие средства применяют законодатель и уголовное правосудие для достижения названных целей?

К сожалению, господствующее обыденное общественное мнение оказывает свое влияние и на позиции законодателей и на приговоры судов. А мнение это видит главным в борьбе с преступностью – устрашение.

Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672,^{xviii} предполагает корректировку уголовно-правовой политики с учетом погрешностей, обнаруживших себя за 10 лет применения УК в процессе уголовного законодательства и осуществления правосудия по уголовным делам.

В практике законодательства имели место случаи, когда при конструировании санкций ставка делалась на устрашение посредством ужесточения санкций. При этом игнорировалась действительная тяжесть преступления, нарушалось соотношение категорий преступления, суд лишался возможности надлежащим образом индивидуализировать наказание. Классический пример: санкции ст. 214 УК «Угон автотранспортного средства или маломерного водного судна» в первоначальной редакции Кодекса. Угон по ч. 1 наказывался лишением свободы на срок от

пяти до семи лет; по ч. 2 – лишением свободы на срок от семи до десяти лет; по ч. 3 – лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

Такие санкции практически привели к наказанию исключительно в виде реального применения лишения свободы на срок не ниже пяти лет. Преступление оказалось в категории тяжкого или особо тяжкого. Невозможно было применить иные меры уголовной ответственности. И это притом, что большинство виновных составляли несовершеннолетние или молодые люди. Законами Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З и от 15 июля 2009 г. № 42-З^{xix} санкции были откорректированы и стали соответствовать подлинной опасности преступления и типичному контингенту лиц, его совершающих.

Практика показала, что неудачным было ужесточение санкций за преступления против интересов службы на основе Закона Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 227-З.^{xx} Доля лишения свободы, применяемого к должностным лицам начиная с 2004 г. резко возросла.

Год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Доля лишения свободы в %	2,8	3,4	36,4	41,7	40,2	38,3	34,7	36,7

Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-З санкции за преступления против интересов службы были оптимизированы.^{xxi}

Анализ судимости в первое десятилетие применения УК Беларуси 1999 г. показывает, что доля наказаний, связанных с изоляцией от общества (в виде лишения свободы и ареста), чрезвычайно высока. Судьи оставались в плену известного представления – «вор должен сидеть в тюрьме».

Годы	2001	2002	2003	2004	2005
Доля лишения свободы	32,5%	35,5%	31,5%	27,2%	25,8%
Доля ареста	8,4%	8,9%	9,5%	11,5%	10,7%
Суммарная доля	<u>40,9%</u>	<u>44,4%</u>	<u>41,0%</u>	<u>38,7%</u>	<u>36,5%</u>

Годы	2006	2007	2008	2009	2010
Доля лишения свободы	23,6%	25,5%	22,6%	23,7%	25,0%
Доля ареста	11,1%	9,8%	9,3%	11,1%	15,1%
Суммарная доля	<u>33,4%</u>	<u>35,3%</u>	<u>31,9%</u>	<u>34,8%</u>	<u>40,1%</u>

Из Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения следует, что текущей задачей является «обеспечение применения наказания в виде лишения свободы в пределах, соответствующих общественной опасности совершенных преступлений и личности виновных».

Проблема предпочтения наказания иным мерам уголовной ответственности, сокращение числа случаев осуждения с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77 УК) или осуждения с условным неприменением наказания (ст. 78). Примером тому явная связь резкого сокращения применения названных мер с введением Законом Республики Беларусь от 9 июня 2006 г. № 122-З наказания в виде ограничения свободы без направления осужденного в исправительное учреждение открытого типа.^{xxii} Предпочтение было отдано наказанию.

Доля осужденных с применением мер пробации менялась так:

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Ст. 77	6,2%	6,1%	6,1%	6,5%	4,4%	3,1%	2,2%	3,8%
Ст. 78	4,0%	3,5%	3,7%	3,9%	2,3%	1,9%	1,4%	1,96%

Приведенные нами примеры обязывают представителей отечественной науки уголовного права уделить внимание, как дальнейшему развитию современной доктрины о целях уголовной ответственности, так и ее пропаганде среди творцов закона и в широких массах населения нашей страны. Это будет способствовать полноценной и эффективной реализации Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения.

ⁱ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения: В 8 т. – М., 1994. Т.6. С. 367.

ⁱⁱ См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955.

ⁱⁱⁱ См.: Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. – М., 1956. С. 63-97.

^{iv} Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М., 1995. С. 83.

^v Там же. С. 105-106.

^{vi} Там же. С. 137.

^{vii} Там же. С. 162-163.

^{viii} Там же. С. 170.

^{ix} Там же. С. 247

^x Впервые реализация идей просветителей XVIII в., по мнению некоторых авторов, началась с отмены пытки королем Пруссии Фридрихом II сразу же после вступления его на престол в 1740 г. и королем Швеции Густавом III в 1772 г. Идеи Ч. Беккариа нашли свое воплощение во Французском уголовном кодексе 1791 г., а затем в уголовных законах многих государств Европы.

^{xi} Цитируется по статье: Городисский, А. Влияние Беккариа на русское уголовное право /А. Городисский // Журнал министерства юстиции. – 1864. – № 9. – 15. – С. 459.

^{xii} Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts (1-е изд., 1801; всего 14 изданий, последнее Миттермайера, 1848 г.; этот учебник был переведен на русский язык П.Д. Лодием, Р.М. Цибриковым и П.А. Полонским, под заглавием «Фейербаха Павла, уголовное право, с приложением российских уголовных законов, к каждому преступлению относящихся», 1810—27.

^{xiii} Иншаков С.М. Зарубежная криминология. - М., 1997. С. 34

^{xiv} A. Prins. La defense sociale et les transformations du droit. 1910; Принс А. Защита общества и преобразования уголовного права. - М., 1912.

^{xv} Gramatika Filippo. Grundlagen der Defense Sociale. 1. und 2. Teil. Hamburg. 1965.

^{xvi} Ансель Марк. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике). - М., 1970.

^{xvii} Там же. С. 11.

-
- xviii Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 1. – 1/12207.
- xix Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 8. – 2/922; Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2009. – № 173. – 2/1594.
- xx Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 83. – 2/974.
- xxi Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2009. – № 173. – 2/1594.
- xxii Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2006 – № 92. – 2/1219.